

Перед вами художественное произведение. Все упомянутые в романе имена, персонажи, организации, места и события являются либо плодом воображения автора, либо используются условно. Любое сходство с реальными событиями, местами или людьми, живыми или мертвыми, является случайным.

*Посвящается всем тем,
кому приходилось бороться за то, что они любят.
Что бы это ни было.*

*«Любовь — как полевые цветы; ее часто находишь
в самых неожиданных местах».*

Ральф Уолдо Эмерсон



ПРОЛОГ

Пять лет назад

Я не плакала, когда умер мой отец.

Когда рак сжирал его, разъедал его мышцы, ткани, каждую клетку его тела — я не плакала. Когда его тело выносили из дома на носилках в черном мешке, я не плакала.

Я не плакала, когда смотрела на его тело в гробу, некогда изможденное, а теперь напичканное всякими филлерами и другими волшебными средствами из арсенала гробовщика.

По дороге на кладбище я не плакала.

Я не плакала, когда проповедник говорил о жизни и смерти, о неизбежности конца, какую бы хорошую жизнь человек ни прожил.

Я не плакала.

Моя сестра тоже не плакала.

Как и моя мама.

Обидчики не заслуживают слез.

Когда на гроб положили последний цветок и все было кончено, я не плакала.

Я улыбалась.





ГЛАВА ПЕРВАЯ

Считается, что к восемнадцати годам ты уже определился со своей жизнью.

Никто не говорит об этом прямо, но это подразумевается; от тебя ожидают, что ты выберешь колледж, уже предвидя весь свой карьерный путь. Уже четко спланировав, кем хочешь быть и где желаешь оказаться.

Моя старшая сестра знала, что поступит в колледж и выучится на медсестру. Потом она собиралась переехать в большой город, вершить великие дела и стать той самой важной персоной.

Теперь она вернулась домой, в наш маленький городок Хоторн-Миллс, штат Массачусетс.

Планы осуществляются не всегда, но люди продолжают навязывать их другим, как будто если ты пойдешь по намеченному пути, все будет хорошо.

Гребаная ложь.

У меня нет плана, и я не хочу, чтобы он у меня был.

Две недели назад я переступила порог школы и стала выпускницей, которая не будет поступать в колледж. Мой парень будет, и он не понимает, почему я не хочу учиться вместе с ним. Но я ведь не собака на поводке.

Для меня следовать чужим желаниям — значит купить билет в один конец в мою версию ада; я там уже была и не собираюсь туда возвращаться.

Легкий ветер развеивает мои волосы, и я откидываю их назад и закрепляю резинкой. Подтягиваю колени





к груди и обхватываю руками ноги. На коленке синяк; понятия не имею, откуда он взялся.

На улицу сворачивает мамина машина, и я быстро ныряю обратно в окно, пока она не заметила меня на крыше рядом с моей спальней. Она ненавидит, когда я там сижу, и уверена, что рано или поздно и оттуда свалюсь, хотя до сих пор я даже ни разу не поскользнулась. Я многократно ей объясняла, что черепица на крыше текстурированная, но она меня не слушает. Скорее всего, она считает, что, присматривая за мной, исполняет свой материнский долг.

Я закрываю окно, вздыхаю и улыбаюсь черному коту с горящими зелеными глазами, свернувшемуся калачиком на моей кровати. Он смотрит на меня, и его взгляд словно говорит: *если она тебя застукнет, тебе влетит.*

Я киваю в ответ. *Я знаю.*

Бинкса, которого я назвала в честь кота из моего любимого фильма, я нашла котенком в переулке за маминым антикварным магазинчиком. Я не смогла его там оставить. В то время у меня были только ученические водительские права, и я передвигалась на велосипеде. Я завернула его в куртку, отвезла домой и умоляла маму разрешить мне его взять. Я не надеялась, что она согласится, но — о, чудо! — она это сделала. Должно быть, он овладел и ее сердцем.

Входная дверь открывается, и мама кричит:

— Салем?

Да, меня тоже назвали в честь вымышленного кота.

Вообще-то, меня назвали в честь города, в котором я была зачата — по крайней мере, так мне сказали. Но довольно о грубом.





Микаеля Смелтцер

— Да? — Я выхожу из своей комнаты и останавливаюсь на верхней ступеньке.

Викторианский дом, который постепенно перестраивала моя мама, может похвастать величественной широкой лестницей. Такую можно увидеть в старых фильмах, где героиня легко спархивает вниз, держась ручкой за перила.

К сожалению, я не героиня и во мне нет ничего элегантного. Надеюсь, мои рваные джинсовые шорты, грязные кроссовки и майка на меня не в обиде.

— У тебя есть планы на вечер? — Мама сдвигает с глаз челку, ее руки заняты бумажными пакетами с продуктами. Я спускаюсь по лестнице и забираю у нее несколько пакетов.

— Пока нет.

— Я подумала, что, может, после того, как я разберу сумки, — она направляется на кухню, я — за ней, — ты испечешь со мной пару кексов. Тельма устраивает продажу домашней выпечки, и я хочу испробовать несколько разных рецептов.

Тельма Паркингтон также известна как городская сплетница-затейница. Ей далеко за семьдесят, на ней вечно огромные очки и яркие платья со странным принтом. Она любит посплетничать и в этом крошечном городке знает всё обо всех.

Я пожимаю плечами, вытаскиваю из пакета коробку хлопьев и ставлю ее на столешницу.

— Думаю, будет весело.

— Отлично. — Она улыбается, сжимая в руках упаковку с крекерами. — Я люблю, когда ты помогаешь мне на кухне.

Я улыбаюсь в ответ. Не всегда все было так просто и легко, по крайней мере, пока был жив мой отец. Дома





он вел себя жестоко и властно, а на людях — совершенно иначе. Жизнь была адом. Мама, сестра и я жили, затаив дыхание, в ожидании следующей мелочи, которая его разозлит. Он мог вспылить из-за чего угодно: например, если мы забыли выключить свет или не так быстро убрали кухню, как ему бы хотелось.

Теперь мы можем вместе печь кексы и не убираться на кухне по несколько дней, если захотим.

Мы так делать не будем, но мы это *можем*. Это факт.

Мы убираем все продукты, и мама достает один из своих многочисленных фартуков, на этот раз яркий, с кусочками пирога, и передает мне другой, в цветочек.

— Какие вкусы ты хочешь попробовать? — Я крепко завязываю фартук на талии, чтобы не перепачкать одежду. Но я слишком хорошо себя знаю, чтобы понимать: никакой фартук меня не спасет, и мука или глазурь все равно оставят след на отдельных частях моего тела. — Я подумала о моем рецепте с медом и лавандой, с шоколадом, поскольку он уже проверен, и может быть, с лимоном и мятой. — Она задумывается. — В прошлый раз тесто получилось слишком мятым, так что придется изменить рецепт.

— А как насчет твоих кексов из песочного теста? Они всегда расходятся на ура.

Она хихикает и смотрит, как я тянусь за ее личной книгой рецептов на случай, если она решит внести в рецепты коррективы.

— Это твои любимые кексы, поэтому ты их и хочешь.

Я поворачиваюсь к ней и кладу книгу на островок.

— Признаю: виновата.

Она качает головой, уголки ее губ ползут вверх, но она не спорит, и я радостно улыбаюсь. Мы работаем со-





Микаеля Смелтцер

обща и достаем ингредиенты, миски для смешивания и все остальное, что нам понадобится.

Я не такой отменный пекарь, как мама, но я усердная, и мне нравится хлопотать вместе с ней.

В доме жарко (в этом прелесть жизни в старом доме без центральной системы кондиционирования), поэтому, чтобы привнести в кухню хоть какую-то прохладу, я включаю потолочный вентилятор и вентилятор на полу. Когда духовка разогреется, здесь станет невыносимо.

Мама включает музыку, и, занимаясь готовкой, мы обе поем и танцуем. Наш смех заполняет пространство, и я вспоминаю те времена, когда этот звук полностью отсутствовал в нашем старом доме.

Я стараюсь не слишком часто думать о том, что было *раньше*, — о том, как мы жили с отцом, но иногда от этих мыслей трудно отделаться.

Я беру тесто и равномерно распределяю его по формочкам, пока мама готовит три разных вида глазури. Кухня — самая обновленная часть дома, и поскольку мама любит печь, она настояла на том, чтобы ей установили сдвоенный духовой шкаф. В такие моменты, когда готовится несколько партий кексов, это, безусловно, удобно.

Я убираю кексы в духовку и устанавливаю таймер, хотя в этом нет необходимости.

У мамы есть нюх, какое-то шестое чувство. Удивительно, как ей удается определить момент, когда все готово, но это умение ее еще ни разу не подвело.

Она смотрит на свой телефон и морщит нос.

— Кто там?

Я смываю с рук брызги жидкого теста.

— Твоя сестра.





Я закатываю глаза. У меня хорошие отношения со старшей сестрой, но это не значит, что я слепа и не вижу ее недостатков, которых великое множество.

— Что она учудила на этот раз? — Я вытираю руки и начинаю собирать грязные миски и лопаточки.

— Она не придет домой к ужину. Встречается с Майклом.

Я старательно скрываю свою реакцию. Майкл уже много лет является парнем Джорджии, но все это время они то расстаются, то сходятся снова. Человек он не самый плохой, но вдвоем они представляют собой смертельную комбинацию. Дикую, спонтанную, на грани катастрофы.

Когда они расставались в последний раз, Джорджия поклялась, что больше никогда его не увидит. Лгунишка.

Не поймите меня превратно, это ее жизнь, и она вправе поступать как ей заблагорассудится, но я хочу, чтобы она нашла кого-то, кто бы относился к ней как к королеве, и не тратила время на мужчину, который, несмотря на проведенные вместе годы, убегает при одном упоминании о браке. Да, мне всего восемнадцать, но я не глупа. Пара должна быть на одной волне и смотреть в одну сторону, а не как эти двое.

— Я думала, они расстались? — Я с большим остервенением, чем того требует ситуация, тру миску из нержавеющей стали.

— Ты же знаешь Джорджию. Она любит его и каждый раз думает, что теперь все будет по-другому.

— Может, на этот раз так и будет. — Я пытаюсь вложить в свой голос немного ложной надежды, но мы обе смеемся, зная, что это вряд ли произойдет.





Микаеля Смелтцер

Я заканчиваю с мытьем посуды и помогаю ей с глазурью.

— Кексы готовы.

Она резво поднимает голову и мчится к духовке, натягивая рукавицу. И расставляет противни, чтобы дать им остыть.

— Не могла бы ты проверить почту?

— Легко.

Я открываю боковую дверь, спускаюсь по ступеням, и мои ноги касаются подъездной дорожки. Ее недавно заасфальтировали (это оплатили мои бабушка с дедушкой), и теперь я скучаю по тем временам, когда можно было пинать гравий.

Я смотрю на соседний дом. Его недавно продали, и пока в него никто не заехал. Однако сегодня снаружи припаркован фургон. Я прищуриваюсь и иду дальше по улице, пытаюсь разглядеть надпись на фургоне.

Ландшафтный дизайн Холмса.

Вот как! Может быть, тот, кто его купил, нанял ландшафтного дизайнера, чтобы тот приехал и убрал все заросли. Двор и дом, конечно, нуждаются в уходе, как и наши, но они прекрасны и таят в себе огромный потенциал. Когда мама купила этот дом, я сначала решила, что она рехнулась, не купив новостройку, но потом поняла. В старом доме гораздо больше очарования. Все, что от вас требуется — подарить ему немного любви.

Я открываю почтовый ящик, беру письма и поворачиваюсь, чтобы вернуться домой, когда слышу стон. Он доносится из-за забора, отделяющего наш двор от соседнего.





— Эй? — кричу я.

Ответа нет, но я слышу шум, напоминающий звуки борьбы.

Я с опаской выхожу во двор и обнаруживаю, что калитка на задний двор открыта. Я оглядываюсь на припаркованный на улице фургон.

Салем, вот так и убивают людей.

Но эта мысль не мешает мне выйти на задний двор.

— Э-эй? Есть тут кто-нибудь? — Мой голос звенит в слепополуденной жаре.

Шипение и пытение, словно кто-то пытается снести дом, — вот единственный ответ, который я получаю.

Я огибаю строение сбоку и вижу мужчину, который яростно пропалывает разросшиеся цветы и кустарник. Он стоит на четвереньках, и невозможно не заметить, какие мускулистые у него руки и ноги. Не говоря уже о заднице.

Хватит пялиться на задницу незнакомца!

Он темный от загара; такой загар можно приобрести, только если провести на солнце много часов. Логично, если этот ландшафтный фургон принадлежит ему. У него шоколадно-каштановые волосы с выцветшими на солнце светлыми прядями. Все ненужное он отбрасывает за спину, и многое из этого попадает в грязный бассейн, которым не пользовались целую вечность.

— Здравствуйте! Вам помочь?

Услышав мой голос, он замирает и оборачивается. Каштаново-карие глаза с прищуром смотрят на меня. Он оглядывает меня с ног до головы, мои грязные ботинки, письма у меня в руках, и далее вверх по телу, затем обратно вниз.





— Вы вторглись на чужую территорию, — ворчит он и садится на корточки. На его носу россыпь веснушек, и хотя на мой беглый взгляд этому мужчине слегка за тридцать, веснушки придают ему моложавый, мальчишеский вид, который уравнивает густая щетина на угловатых скулах.

— Вам следовало бы надеть солнцезащитные очки. — Понятия не имею, почему эта фраза слетает с моих губ.

— Что?! — Он откидывает с глаз лохматые волосы и щурится, глядя на меня. По-видимому, он согласен с тем, что я сморозила глупость. Даже если ему действительно следовало их надеть.

— Простите. — Я качаю головой. — Я ваша соседка. — Я указываю большим пальцем через плечо на свой дом. — Я услышала вас и подумала, что у вас проблемы, поэтому решила зайти и проверить.

— Я в порядке. — Его голос глубокий, насыщенный, а от тембра у меня по спине пробегают мурашки. — Вы можете идти.

— Вы здесь на законных основаниях? — спрашиваю я, пристально глядя на него.

Уголки его губ подергиваются, намекая на улыбку.

— Это мой дом, поэтому да. А *вы* здесь на законных основаниях?

Мы оба знаем ответ на этот вопрос.

— Ой. — Я делаю шаг назад. — Я... я полагаю, что нет. — Я заикаюсь, осознав масштаб своей глупости. — Прошу прощения.

Он возвращается к своей трудоемкой работе и более не обращает на меня внимания. Судя по состоянию двора, ему потребуется немало времени, чтобы привести все в порядок в одиночку, но, возможно, в бу-





душем он обратится за помощью, а сейчас просто вымещает на растениях свою досаду.

— Я не хотела вторгаться, — бормочу я и пячусь к калитке в углу. — Я просто волновалась. — Он на меня не смотрит и швыряет за спину еще больше сорняков. — Если вам что-нибудь понадобится, не стесняйтесь постучаться в нашу дверь.

Осознав, что он не собирается мне отвечать, я бегом возвращаюсь на нашу подъездную дорожку.

Боковая дверь открывается, и мама высовывает голову.

— А я иду тебя искать. Я уже стала волноваться.

Я трясусь головой и взбегаю по ступенькам в дом.

— Извини. Я только что познакомилась с нашим новым соседом.

— Ого! — В ее голосе звучит изумление, и она оглядывается по сторонам, словно в надежде кого-то увидеть. — Я не знала, что они уже переехали.

— Он какой-то нелюдимый.

Она хмурится и запирает дверь. Она уже достала кексы из формы и выложила их на столешницу.

— Что ж, жаль.

— Ммм, — мычу я.

— Скорее всего, он просто не в духе. Переезд — это так хлопотно!

Я безразлично пожимаю плечами, но мой взгляд скользит к окну над уголком для завтрака, которое выходит в его двор. Я его не вижу, но представляю, как он стоит там на четвереньках.

— Возможно.

Почему-то я в этом сомневаюсь, и даже несмотря на его, мягко говоря, нелюбезное поведение, я испытываю к новому соседу живейшее любопытство.



ГЛАВА ВТОРАЯ

Новый сосед (прошло три дня, а я до сих пор не знаю его имени) методично приводит в порядок свой сад. Он добился приличного прогресса, а вчера ему помогли несколько человек.

Я сидела на крыше и наблюдала за ним, но он меня не заметил.

Мама, если бы поймала меня за этим делом, назвала бы меня шпионкой, но мне это слово не по душе.

Мне всегда нравилось наблюдать за другими людьми (именно наблюдать, а не подглядывать) и представлять себе, как они живут, кого любят, о чем тревожатся. Так много людей, так много пересекающихся жизней, а мы проходим мимо, не задумываясь друг о друге.

Я наблюдаю за тем, как он пашет во дворе и с какой яростью вырывает сорняки, вытирая со лба пот, и невольно задаюсь вопросом, какие демоны его преследуют. Похоже, у него внутри много сдерживаемого гнева, и мне интересно, что к этому привело.

Но спросить я не могу. Поэтому наблюдаю. Наблюдаю и удивляюсь.

Меня гложет любопытство. Я забираюсь обратно в окно, закрываю его на задвижку, глажу Бинкса по голове и сбегая вниз по лестнице.

Дома никого нет, и никто меня не останавливает, когда я достаю по одному из каждой разновидности пе-

